

УДК 165.242.2

И. И. Матюшина
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Национального университета «Одесская юридическая академия»

СМЫСЛ КАК СИСТЕМНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Понятие «смысл» привлекало к себе активное и пристальное внимание философов, логиков, лингвистов на протяжении всего XX столетия, оно не ослабевает и в начале XIX столетия. Это связано и с так называемым «лингвистическим поворотом» в философии XX столетия, и с возрастанием популярности аналитического направления, а позже коммуникативного направления в философии. Кроме того, в современном мире возрастает значимость информационных наук, таких как логика, семиотика, теория коммуникации и т. п., для которых понятие смысла играет важную методологическую функцию. Постепенно к концу XX столетия стала формироваться коммуникативная парадигма понимания смысла, которая сегодня принимается практически всеми специалистами и в области философии, и в области логики, и в области лингвистики. Однако даже в работах последних десятилетий, признающих и акцентирующих внимание на коммуникативной составляющей смысла, не раскрывается подробно сам механизм смыслопорождения и смыслопонимания в коммуникации.

Цель статьи – показать системную модель коммуникативного смысла.

Важнейшим методологическим принципом изучения смысла любого текста является признание автора (S_1) и адресата (S_2) текстообразующими факторами. На этот принцип обращают внимание все исследователи текста как носителя смысла. Чаще всего подчеркивается роль языковой компетенции S_1 и S_2 , роль совместимости их языковых компетенций. Смысл – не результат только деятельности адресанта или адресата, он – результат их взаимодействия, соединения, синтеза двух подсистем коммуникации. Каждый коммуникант в любой момент действует лишь в одной из этих подсистем, находящихся в отношении дополнительности друг к другу. А смысл – производная от коммуникации в целом.

Автор выбирает языковые средства для выражения смысла, а адресат опознает язык, анализирует текст и синтезирует целостный смысл-сообщение [1, с. 58–59]. Смена коммуникантов меняет смысл текста. Повторное воспроизведение текста в другой коммуникативной ситуации, как указывает С.А. Васильев, например, обнародование частных писем, дневников, забытых или секретных документов, при всем сохранении языковой формы текста радикально меняет автора (им становится издатель), адресата (не доверенное лицо, а массовая аудитория), коммуникативное намерение (познавательное, оценочное или регулятивное воздействие) и, в конечном счете, итоговый смысл текста. «Понимание текста, – утверждает С.А. Васильев, – оказывается возможным прежде всего потому, что субъект понимания (читатель, зритель, слушатель) владеет теми же механизмами смыслового синтеза, которые использует автор при реализации своего замысла в тексте. Это означает, что читатель должен владеть не только естественным языком, обеспечивающим синтез высказывания из меньших значимых единиц, но также механизмом синтеза смысла сверхфразовых единств из отдельных высказываний и механизмами синтеза смысла целого произведения из тех смысловых элементов, которые образованы ранее другими средствами» [1, с. 227]. Как видим, здесь важная роль отводится механизмам смыслового синтеза, которые предполагаются в наличии у коммуникантов до коммуникации и влияют на ее результат.

Простая констатация дополнительности подсистем речевого общения и теорий, изучающих данные подсистемы, не может быть конечной целью познания смысла – простым разделением его на смысл S_1 и смысл S_2 . А.А. Ивакин указывает, что аналитическая ступень познания должна быть направлена «на

выявление внутренних тенденций и возможных вариантов развития объекта». Следующая ступень – синтез: «Синтетическое знание – это как бы расширяющееся знание. Оно конструирует нечто новое. ... Отличительным свойством синтеза является то, что этот метод реализует себя, выходя за рамки имеющейся основы. ... Единство анализа и синтеза есть один из основополагающих моментов диалектического метода исследования» [3, с. 152–153].

И.В. Дмитриевская видит специфику системного изучения сложных объектов в выявлении связей и отношений, выполняющих роль системообразующих; при этом «важную роль в определении существенных, системообразующих связей играет среда, в которой функционирует объект: если изменить среду, объект может либо измениться, либо вовсе утратить свои системные свойства» [2, с. 159–160]. Для смысла такой средой является коммуникация.

А.И. Уемов отводит значительное место изучению логических, теоретико-системных аспектов синтеза как важной операции в системных исследованиях. Он выделяет различные виды синтеза: реистический синтез как мысленное объединение рассматриваемых объектов-операндов в один объект-результат операции; атрибутивный синтез, который предполагает объединение двух вещей таким образом, что одна из них становится свойством другой; реляционный синтез, когда одна вещь (реляционная компонента реляционного синтеза) устанавливается в качестве отношения в другой вещи (реистическая компонента реляционного синтеза). Схему реляционного синтеза можно выразить в виде: реляционная компонента (реистическая компонента) → результат реляционного синтеза [7, с. 106, 108, 112–113]. Для процедур синтеза действует принцип двойственности, «согласно которому двойственные преобразования относительно пары «свойство» – «отношение» сохраняют истинность утверждений, в состав которых входит эта пара [7, с. 112].

Как выглядит логическая схема синтеза подсистем «смысл → текст» и «текст → смысл» в процессе коммуникации? Она, на наш взгляд, приобретает вид синтеза двойственных определений системы.

Схема производства смысла $[a ((A)) t (df_1)]$ и схема понимания смысла $t [(A) a] (df_2)$ в результате своего синтеза должны дать схему коммуникативного смысла как результата взаимодействия исходных двойственных по отношению друг к другу подсистем.

Если происходит синтез двух систем, то можно предположить, что при этом сохраняется различие уровней данных систем (концепт, структура, субстрат).

Внешний знак в обеих формулах – t – в первом случае означает отношение, во втором – свойство, играющее роль концепта.

Таким образом, на уровне концепта происходит синтез t -отношения и t -свойства. Этот синтез может быть реистическим – отношение и свойство как две вещи сохраняются, объединяясь вместе; атрибутивным – один из этих компонентов становится свойством другого: (t) t ; релятивным – один из компонентов – отношение в другом t (t).

На уровне структуры синтез двух указанных подсистем предполагает синтез a -отношения из df_1 и a -свойства из df_2 . Здесь также возможны три вида синтеза: реистический, атрибутивный и реляционный.

На уровне субстрата должен произойти синтез A -элементов из первой подсистемы и A -элементов из второй подсистемы. Идеальным случаем синтеза является тождество субстрата двух подсистем: не идеальным, но все-таки положительным результатом синтеза можно считать пересечение большей части субстрата подсистем.

Коммуникативный смысл (что соответствует смыслу-результату общения S_1 и S_2) возникает тогда, когда успешно осуществляется и принимается всеми коммуникантами а) синтез концептов, синтез структур и синтез субстратов исходных подсистем, а также б) конечный результат синтеза всех трех уровней системы коммуникации.

Взаимодействие двух подсистем может быть как эксплицитным, так и имплицитным. Если перед нами реальный диалог, то взаимодействие может быть прослежено по реакции коммуникантов на смыслы, функционирующие в общении: это может быть согласие/несогласие, возражение, дополнение, отождествление/различение с помощью переформулировок, трансформаций, перевода и т. п.

Одним из механизмов поиска коммуникативного смысла является выбор общих процедур трансляции смыслов, подключения переформулировок, отсылок к другим сигнификациям, а также значительная роль переводимости знаков для коррекции кодов адресанта и адресата [4, с. 49–50]. Здесь диалог уже нельзя назвать двумя монологами.

Взаимодействие двух подсистем коммуникации является неявным, имплицитным, если в систему смыслопорождения, которую строит S_1 , «встроена» в качестве отдельного «блока» модель той системы, которую будет строить S_2 . То есть, формируя текст, реализуя свою идею, замысел, S_1 корректирует данный процесс с помощью своих представлений о том, насколько это будет понятно для S_2 , как именно он может понять данный текст. Речь может идти здесь и о знании некоторых стандартов, правил, образцов, закрепленных в опыте коммуникации, а также о знании особенностей S_2 (аудитории).

В систему смыслопонимания, которую создает S_2 , в свою очередь, «встроен» некоторый образ системы, которую, как полагает S_2 , в действительности создавал S_1 . Реконструируя смысл текста или выбирая интерпретацию текста, S_2 использует в качестве некоторой предпосылки знание о стандартах и нормах смыслопорождения, об особенностях того смыслового мира, к которому принадлежит S_1 , о его целях и намерениях.

Таким образом, строя двойственные системы смысла, дополнительные по отношению друг к другу, коммуниканты корректируют процесс их создания с помощью некоторой «встроенной» внутренней для их систем модели антипода. Эта модель может быть адекватной или искаженной, полной или частичной.

Подтверждения нашей гипотезе можно найти в практике реальной коммуникации. Например, давая определение какому-то термину, мы заботимся о том, чтобы оно было четким, ясным, определенным. Это забота о тех, кто будет этим определением пользоваться. В данном случае эталон восприятия/порождения, общий для обеих парадигм, задает логика. Правила логики вообще всегда коммуникативно ценны [6, с. 4–5], они объединяют обе подсистемы в единое целое.

Однако возникает вопрос: что является основой для этого синтеза, что делает его возможным (или невозможным)? Эмергентный коммуникативный смысл возникает далеко не всегда. Часто диалог так и остается двумя монологами не понимающих друг друга людей. Ниже мы попытаемся рассмотреть проблему возникновения коммуникативного смысла с помощью намеченной выше схемы синтеза двух двойственных системных представлений функционирования смысла, разделяя при этом сам синтез по уровням системных представлений – уровень концептов, уровень структуры и уровень субстрата.

Исходя из сути системной модели как таковой, мы можем выдвинуть тезис: коммуникативный смысл не может состояться, если не состоялся синтез концептов двух подсистем – смыслообразования и смыслопонимания, ибо без концептов нет системы.

Синтез коммуникативного смысла на уровне концептов. Первый вопрос, возникающий у исследователя: как может происходить синтез концептов двух двойственных подсистем коммуникации, если их субъекты разные, если

они разорваны (не совпадают) во времени, а иногда и в историко-культурном пространстве?

Наиболее простой вариант синтеза смысла имеет место тогда, когда адресант и адресат – одно и то же лицо. При этом не обязательно имеет место автокоммуникация. Если человек пишет дневник для себя самого, это автокоммуникация. Если писатель читает и правит свою рукопись, то он играет роль адресата, не обязательно отождествляя его с собой, а, напротив, ставя себя на его место. Он как бы сверяет результаты кодирования и декодирования текста. Однако здесь не только языковое значение текста, но и смысл текста, скорее всего, совпадут. Значение строится по законам языка и норм общения. Смысл – как отношение значения и жизненного мира коммуникантов (центральным элементом жизненного мира является, как мы помним, константные образы-ценности). Поскольку жизненный мир S_1 и S_2 здесь один и тот же, синтез концептов в данном частном случае – это их тождество.

Более сложный случай синтеза концептов имеет место тогда, когда S_1 и S_2 – не один и тот же человек. Тогда возможности синтеза смысла на уровне концепта зависят, естественно, от степени сходства/различия их жизненных миров и от степени сходства/различия языковых значений текста. Возможность успешного синтеза определяется степенью сходства, пересечения, релевантности, совместности и т. д. указанных компонентов. Если данная степень нулевая или слишком мала, то синтез концептов невозможен и коммуникативный смысл как итог коммуникации не образуется. Система смысла здесь невозможна из-за отсутствия концепта. Если же степень сходства, совместности, гармоничности жизненных миров (их констант) и значений текста достаточно велика, то пропорционально ей осуществляется синтез единого концепта. Это может быть реалитетический синтез, тогда исходные концепты, соединяясь, образуют конъюнктивный общий концепт. Если синтез атрибутивный или релятивный, то один из исходных концептов рассматривается как вещь, а другой – как ее свойство или отношение. На первый взгляд это абстрактное логическое разделение очень далеко от живой коммуникации, где возникают смыслы. Однако это не так. Перечисленные варианты синтеза задают логические возможности соотношения жизненных миров коммуникантов, соотношения значений текстов, ими понятых, и логические варианты способов соотношения первых и вторых.

Смысл может быть истолкован как функция семантики текстов в том целом, которое составляют жизненные миры. И различные функции одного и того же текста в меняющихся жизненных мирах могут реализовать разные виды синтеза и тем самым разные смыслы.

В качестве иллюстрации можно сослаться на практику перевода классических пьес Шекспира на русский язык, которая проанализирована М.Г. Соколянским [5]. Многие переводчики «Гамлета» видели главную функцию русского текста в том, чтобы адекватно воспроизвести памятник искусства, сохранив тот образ событий определенного времени, который создал сам Шекспир. Своеобразие новаторского подхода Б. Пастернака в его переводе «Гамлета» состояло в том, чтобы создать не столько текст для адекватного понимания произведения Шекспира, сколько текст, пригодный для максимально активной коммуникации со зрителем – современным зрителем, живущим здесь и сейчас, думающим и говорящим на своем языке [5, с. 107].

На языке теории систем А.И. Умова перед нами пример реляционного синтеза концептов двух подсистем. У Б.Л. Пастернака авторский текст в процессе перевода трансформируется таким образом, чтобы соответствовать жизненному миру интерпретатора – современного зрителя. Авторский текст становится вещью, на которой реализуется реляционная компонента синтеза – направленность на активное общение со зрителем, на его интерес. В классических же переводах происходит атрибутивный синтез и в качестве атрибутивной компоненты выступает концепт системы смыслообразования: авторский смысл текста пье-

сы Шекспира, соответствующий жизненному миру автора; а концепт системы адресата становится вещью, на которой реализуется указанная атрибутивная компонента. Результат синтеза в первом случае – текст, приспособленный для понимания публики и принятия ею, а во втором – текст, значение которого максимально приближено к авторскому смыслу (здесь читатель должен «приспосабливаться», дорасти до совпадения с авторским пониманием текста).

Примеры с интерпретацией одного и того же художественного произведения в разных жизненных мирах (например, в разных культурно-исторических условиях), на разных языках дают богатый материал для обоснования вывода некоторых авторов о том, что тексты, как кажется, генерируют новые смыслы («генераторы смысла»). На наш взгляд, смысл порождается не текстом самим по себе, а процедурой синтеза концептов подсистем смысла автора и читателя в условиях взаимодействия с меняющимися жизненными мирами коммуникантов. Но определенную долю истины в том, что «текст генерирует смысл» можно выразить немного иначе: общность концептов коммуникантов, общность их жизненных миров помогает генерировать и общий для них смысл. Верно и другое: непересечение концептов и жизненных миров коммуникантов делает невозможным общий смысл для одного и того же текста даже при условии использования одного языка.

Коммуникативная модель смысла предполагает обязательный синтез концептов подсистем производства и понимания смысла; логика данного синтеза подчинена взаимодействию жизненных миров коммуникантов.

Практически такой синтез может происходить как взаимодействие двух моделей, одна из которых присутствует в деятельности субъектов коммуникации явно, эксплицитно, а другая – имплицитно, как «встроенный блок» памяти, отражающий предшествующий опыт коммуникации.

Для S_1 , для автора, концепт его подсистемы задан явно. Но представление о том, как может понять и принять этот концепт адресат S_2 в контексте его, S_2 , жизненного мира, – это представление в сознании S_1 , которое и будет некоторым «блоком неявного влияния» на процесс смыслопроизводства.

В свою очередь, S_2 , адресат, выстраивает свой концепт в подсистеме понимания и может, опираясь на свой коммуникативный опыт, представлять возможные концепты, которые мог реализовать автор текста. Эти представления также могут исполнять роль «блока неявного внимания» на процесс интерпретации текста.

Так практически происходит синтез двух подсистем функционирования смысла на уровне концептов.

Подводя итог, следует отметить, что для синтеза концептов двух подсистем коммуникации, в каких бы разных формах он ни происходил, необходим общий жизненный мир или общая часть жизненных миров коммуникантов, наличие в них общих констант в виде общих категорий, правил, эталонов, участвующих в формировании и понимании смыслов.

Синтез коммуникативного смысла на уровне структуры и субстрата. Структура и субстрат текста как системы, выражающие смысл, даны в коммуникации, казалось бы, в большей мере эксплицитно, чем концепт. Концепт «обитает» в сфере взаимодействия сознания, знания с жизненным миром коммуникантов и его ценностями. Слова, предложения, синтаксические конструкции материализованы в тексте и являются носителями смысла, представляющими и выражающими его по правилам языка. Синтаксис языка и речи в языкознании и семиотике – наиболее детально и точно разработанный раздел. Теория вывода (тоже своего рода синтаксис рассуждений) – наиболее точно и детально разработанный раздел логики. Структура текстов как целостных систем задается, выбирается под концепт, под цель коммуникации.

Слово (словосочетание) выполняет функции знака в ситуации общения. Структура слова-знака трехэлементная: она включает само слово как звуковой или буквенный матери-

альный предмет и два вида значения – предметное и смысловое. Однако в коммуникации одно из них может стать главным, явно выраженным, оставляя «в тени» другое.

Но если обозначить структуру смысла слова в более широком ее понимании, то схема будет иметь вид: смысл (в широком понимании) – это (1) предметное значение + (2) смысловое значение + (3) те трансформации, которые они получают в процессе «живой» коммуникации + (4) их связь, проявившаяся в данной коммуникативной ситуации + (5) связь предыдущих факторов 1–4 с более широким смысловым полем, элементом которого является значение данного слова (смысловой контекст сознания коммуниканта, смысловой контекст социума, культуры, универсума культуры и т. д.). Данный смысловой контекст не сводится только к концептуальным системам коммуникантов, к фундаментальным смыслам Г. Фреге. Сюда могут быть отнесены нормы, правила, регулирующие способы употребления слова. Но, опять-таки, перед нами не рядоположенные элементы смысла. Знак «+» – здесь знак системного синтеза, который образует иерархию, самым нижним, подчиненным, элементом которой является предметное значение.

Коммуникативный контекст включает системы ценностей и ценностных ориентаций, принятых человеком (социумом); этот контекст включает в себя и архетипы коллективного бессознательного, и модели картин мира, сформированные в недрах духовной сферы философии, религии, искусства. Относительная самостоятельность значений слов проявляется в том, что они функционируют не только в предложениях живой коммуникации, но и отдельно, как единицы, несущие смысл. Кроме того, значение слова как инвариант прежних употреблений в общении как бы «консервируется» в словарях.

Поэтому значение слова может быть рассмотрено не только как субстрат некоторого более сложного смыслового единства, но и как самостоятельная система, самостоятельный смысл.

Предложение многими считается основной знаковой формой, предназначенной для выражения и передачи информации. Данная информация обычно отождествляется со смыслом предложения.

Определенный тип логико-синтаксических отношений внутри предложения призван формировать и передавать некоторый тип смысла предложения. Есть отношения, смыслом которых является мысль об экзистенции, самом факте существования чего-либо; есть отношения номинации, есть отношения идентификации и, наконец, отношения предикации. Каждое из этих отношений может стать коммуникативным ядром предложения и тем самым носителем его смысла.

К концу XX столетия лингвисты, кроме референциального и сигнификативного, стали выделять прагматический смысл, зависящий от способа употребления высказывания в «живой» коммуникации. Можно говорить о прагматическом смысле, а можно – о трансформации предметного и сигнификативного значений под влиянием целей и намерений коммуникантов, под влиянием принятых правил «языковой игры».

Таким образом, разнообразие коммуникативных функций предложения – один из источников разнообразия, многовариантности смыслов. Данное обстоятельство имеет место независимо от того, сознательно или бессознательно совершается выбор способов употребления знаковых структур или языка. Без уточнения данных функций, без осознания оснований выбора анализ смысла может стать затруднительным, а смысл при этом может показаться неуловимым.

Синтез смысла на уровне структуры текста происходит, во-первых, как синтез правил, норм, способов построения и употребления синтаксических структур как элементов текста, во-вторых, как синтез способов организации целого текста.

В любом случае, текст всегда связан с языком – вербальным или невербальным, искусственным или естественным. Текст – это язык в действии. Неотъемлемым свойством тек-

ста является его информативность, наличие в нем некоторого сообщения, которое нередко отождествляют со смыслом.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что существует информационное содержание текста, которое часто отождествляют с его смыслом. С нашей точки зрения, это не правомерно. Смысл текста возникает, когда сознание коммуникантов соотносит референциальное и сигнификативное значения текста с «жизненным миром», «личностным тезаурусом», с другими текстами, с ожидаемыми смыслами, с ценностными установками коммуникантов, что происходит в коммуникации автора и читателя, читателя с самим собой или другим читателем, с воображаемой (должной, возможной, желаемой или нежелательной) реальностью и т. д.

Смысл текста вариативен; он имеет разные уровни – от ситуативной значимости («ситуативный смысл») до универсальной («культурные смыслы», «базовые тесты»). «Проблема смысла», как правило, возникает при рассогласовании референтного и сигнификативного значений (информационного плана) текста с тем содержанием сознания коммуникантов, с теми моментами их «жизненного мира», что фиксируют концепты, относительно которых и понимается, переживается смысл (значимость).

Таким образом, смысл в своей сущности (по природе) коммуникативен. И не потому только, что возникает в коммуникации. Смысл коммуникативен потому, что он не порождается ни языком, ни текстом, ни субъектами-одиночками, он порождается в процессе взаимодействия подсистем адресанта и адресата, их столкновения в некотором жизненном мире, задающем форму их синтеза. Смысл – всегда результат синтеза языковых, речевых значений текстов с концептами-константами жизненного мира коммуникантов, включающими в себя единство знания и ценности; смысл – всегда результат синтеза смыслов коммуникантов на уровне концептов, на уровне структур, на уровне субстратов, на уровне систем в целом.

Литература

1. Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста / С.А. Васильев. – К. : Наукова думка, 1988. – 240 с.
2. Дмитриевская И.В. Системный подход к абстрагированию / И.В. Дмитриевская // Системный анализ и научное знание / отв. ред. Д.П. Горский. – М. : Наука, 1978. – С. 153–171.
3. Ивакин А.А. Диалектическая философия / А.А. Ивакин. – Одесса : Юридична література, 2003. – 352 с.

4. Мейзерский В.М. Философия и неориторика / В.М. Мейзерский. – К. : Льбидь, 1991. – 192 с.

5. Соколянский М.Г. Перечитывая Шекспира / М.Г. Соколянский. – Одесса : Астропринт, 2000. – 172 с.

6. Сумарокова Л.Н. Основы логики / Л.Н. Сумарокова. – Одесса : Юридична література, 2000. – 264 с.

7. Уемов А.И. Формальные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития / А.И. Уемов // Системный анализ и научное знание / отв. ред. Д.П. Горский. – М. : Наука, 1978. – С. 95–141.

Аннотация

Матюшина И. И. Смысл как системное образование. – Статья.

В статье предложена системная модель коммуникативного смысла. Системная модель представляет синтез двух дополнительных подсистем коммуникации: подсистемы адресанта и подсистемы адресата. Прослежена необходимость синтеза на уровне концептов для возникновения коммуникативного смысла. Синтез на уровнях субстрата и структуры рассмотрен на примере вхождения слова, предложения и текста в коммуникативный процесс.

Ключевые слова: смысл, коммуникативный смысл, системная модель.

Анотація

Матюшина І. І. Смысл як системне утворення. – Стаття.

У статті запропонована системна модель комунікативного смислу. Системна модель демонструє синтез двох додаткових підсистем комунікації: підсистема адресанта й підсистема адресата. Простежено необхідність синтезу на рівні концептів для виникнення комунікативного смислу. Синтез на рівнях субстрату і структури розглянуто на прикладі входування слова, речення й тексту в комунікативний процес.

Ключові слова: смисл, комунікативний смисл, системна модель.

Summary

Matiushyna I. I. The sense as a system. – Article.

The article presents a system model of the communicative sense. The system model is a synthesis of two additional communicative subsystems: the sender subsystem and the recipient subsystem. The paper explains necessity of concept synthesis for communicative sense production. Synthesis of the substrate and the structure levels is exemplified by the integrating into communicative process words, sentences and text.

Key words: sense, communicative sense, system model.